

ЗАГОВОР ПРОТИВ СССР

**СЕРГЕЙ
КАРА-МУРЗА**

**АНТИСОВЕТСКИЙ
ПРОЕКТ**

Заговор против СССР

Сергей Кара-Мурза

Антисоветский проект

«Алисторус»

2016

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)635

Кара-Мурза С. Г.

Антисоветский проект / С. Г. Кара-Мурза — «Алисторус»,
2016 — (Заговор против СССР)

ISBN 978-5-906861-11-5

С. Г. Кара-Мурза – самый известный исследователь советского периода, его книги охватывают все стороны жизни СССР и строятся на огромном количестве фактического материала. В исследовании, представленном вашему вниманию, С. Г. Кара-Мурза разбирает причины, которые ослабили Советский Союз и привели его к гибели. Главный вопрос, рассматриваемый автором, – был ли крах СССР неизбежной катастрофой, вызванной несовершенством советского строя, или следствием хорошо разработанного «антисоветского проекта», в котором участвовали представители мировой и отечественной «элиты».

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)635

ISBN 978-5-906861-11-5

© Кара-Мурза С. Г., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Введение	6
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Антисоветский проект

© Кара-Мурза С. Г., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Введение

Разрушение советского жизнеустройства и ликвидация советского государства бросили Россию в самый глубокий и затяжной кризис из известных в истории Нового времени. Несмотря на необычную, не ожидаемую специалистами устойчивость главных систем жизнеобеспечения, созданных в советский период, страна движется к хозяйственной, социальной и политической катастрофе. Ресурсы производственной системы конечны, и без капиталовложений она рано или поздно начнет давать сбои, которые приведут к валу отказов и аварий. Из-за физического и морального износа техники и снижения квалификации кадров упадет ниже допустимого уровня оборонный потенциал. С утратившей жизненную силу страной по-иному станут разговаривать нынешние хозяева мира, охваченные страхом перед нехваткой природных ресурсов для «золотого миллиарда».

Мы подошли к той точке, когда у соблазненных людей падает пелена с глаз, рушатся иллюзии, и каждый хотя бы самому себе вынужден честно сказать, что занесло нас в трясину, из которой никакая чудесная сила не вытащит. Только трезвый анализ, реалистичная оценка положения и выработка программы, которая сможет сплотить большинство для огромных совместных усилий, дадут нам шанс выбраться на твердое место и начать восстановление нашего дома. В другом доме нас не ждут и ни в какой «мировой цивилизации» не приютят.

Очень важной главой нашего самоанализа должно стать описание того проекта, согласно которому мы предприняли этот Великий поход в нынешнюю трясину. Это нужно вовсе не для того, чтобы указать на кого-то пальцем и крикнуть: «Это он, он нас звал и даже гнал! Вот он, враг народа!»

Конечно, таких криков не миновать, и уже есть риск, что и камнями кое-кого могут закидать. Но можно сказать с уверенностью, что чем дольше мы будем затягивать этот неприятный разговор, тем труднее будет избежать этой опасности. Уже сейчас многим из «тех, кто звал» было бы разумно самим пойти на этот разговор и помочь, ради общего блага, разобраться в том, как зародилось, выросло и превратилось в политическую силу то, что можно назвать *анти-советским проектом* – проектом разрушения советского строя. Невозможно строить планы выхода из кризиса, если мы не знаем философии, стратегии и тактики того политического движения, которое, получив власть, к этому кризису привело.

Пока что большинство активных участников разработки антисоветского проекта, похоже, до участия в таком разговоре не созрело. Нередко они даже пытаются убедить, будто такого проекта вообще не существовало – все, мол, катилось само собой, и в конце концов бросило нас на скалы, как корабль без руля и без ветрил. Это наивные попытки – память у нас повреждена перестройкой, но все же не до такой степени. Да и тексты остались, по которым можно довольно точно реконструировать историю.

Возник сто лет назад в нашей культуре большой советский проект, все больше мы знаем о его философских и даже религиозных истоках, природных и социальных условиях его зарождения и реализации, источниках силы и слабости, причинах его поражения. Но уже в этой истории видно, что с самого начала, как тень, сложилось культурное, а затем и политическое течение, которое отрицало самые основания советской утопии, а потом и советской практики. Хватило ведь у этого течения ресурсов собраться для Гражданской войны – войны «Февраля с Октябрем». Потом ушли эти силы в тень, нашли удобные ниши в самом советском обществе, поднялись вверх, а потом и к власти пришли. Надо же их понять, никуда они не делись – и думают, и действуют в рамках той же самой доктрины.

В этой книжке даны первые наброски темы, лишь контуры той «тени», которая выделась при изучении истории самого советского проекта. Ясно, что такое описание ущебно, и очень желательно было бы получить отклики изнутри антисоветского мироощущения – но уже с опы-

том нынешней катастрофы. Если такого отклика не последует – что ж, продолжим раскопки сами. Значит, к несчастью, разрыв необратим, господа хотят пройти своей дорогой до конца.

Глава 1

Созревание антисоветского сознания

Советский проект по своим масштабам был крупной программой, продолжавшей траекторию движения России как *цивилизации*. О частностях в этом пункте можно спорить, но они не слишком принципиальны. Существенная часть этой программы успела реализоваться в советском строе, хотя его короткая историческая жизнь в основном представляла собой экстремальные и аномальные периоды горячих войн и форсированных усилий, а вся остальная часть – тяжелый период неравной «холодной» войны. На мой взгляд, достойно удивления, что даже несмотря на эти чрезвычайные условия советский строй успел воплотить в жизнь очень многие позитивные и даже идеальные стороны программы.

Соответственно структуре и масштабу советского проекта в сфере сознания складывалась противостоящая ему *антисоветская программа*. Складывалась она долго. Можно считать, что в целостном и явном виде ее ядро сложилось в 60-е годы в среде «шестидесятников», хотя элементы ее оттачивались давно – с времен Чаадаева. Но для нас важен именно целостный, обладающий системными качествами проект «шестидесятников», ибо его развитие уже не прерывалось и в конце концов он обрел материальную силу и был реализован в виде «антисоветской революции» 80–90-х годов XX века. Ее предварительной, «холодной» фазой была *перестройка* Горбачева, в ходе которой была разрушена надстройка советского жизнеустройства, после чего бригада Ельцина смогла демонтировать и его базис. Конечно, ни надстройка, ни базис полностью не разрушены, уже десять лет идет вязкая «позиционная война», но здесь для нас важно не это.

Разговор об антисоветском мышлении сложен – очень многие из нас в той или иной степени были проникнуты таким мышлением, даже сами того не замечая. Копаться в своем сознании и видеть, что ты сам культивировал зародыши катастрофы – вещь болезненная. Но ее надо проделать – и вовсе не с целью «выяснения отношений» и поиска виноватых. Цель гораздо более фундаментальна.

На мой взгляд, именно на самом раннем этапе мысленного отрицания «темных сторон» советского строя в антисоветский проект был заложен ряд ложных принципиальных идей. В тот момент эти идеи формулировались в мягкой форме и не вызывали ни тревоги, ни отторжения. В них не было видно неминуемого разрыва с главным стволом «советского пути». На самом же деле именно тогда этот разрыв и произошел, и эти мягкие идеи (например, о желательности небольшой, уютной *безработицы*) задали новую, все более отклоняющуюся траекторию общественной мысли. В 60-е и даже 70-е годы казалось, что отклонение несущественно. Да, мой друг мыслит несколько иначе, но он же вот, рядом – мы достаем друг друга руками. Кто бы мог подумать тогда, что в октябре 1993 г. он пойдет на зов Гайдара?

Разобраться в генезисе антисоветского проекта надо потому, что он явно завел страну в *экзистенциальную ловушку*. Сама травма убийства советского строя, на которую обычно и обращено все внимание, не так уж велика – не сравнить с Гражданской войной после 1917 г. Но дело не в этой травме, а в том, что за ней – путь под уклон, в небытие. Этот путь может быть иной раз крутым, иной раз положим, с анестезией нефтедолларов или с дубинками ОМОНа, но он неуклонно ведет к угасанию, а потом и к смерти. На этом пути не за что зацепиться, и циклы воспроизводства на нем сужаются с неумолимой закономерностью.

В этом – контраст с той катастрофой, что пережила Россия в 1917 г. Вдумчивые люди, еще стоящие на антисоветских позициях, говорят: и царская Россия в 1917 г., и СССР в 1991 г. рухнули потому, что это были больные общества. Да, это так. Но дальше-то дело пошло по-иному. Больное сословное и изъеденное капитализмом общество начала XX века было загнано

революцией в проект большого *строительства*. И те структуры, которые строились, пусть с авариями и жертвами, обеспечили выживание и развитие страны в самых тяжелых условиях. Напротив, антисоветский проект закладывался на основе таких идей, что их плоды *отравили* общество и убили в нем всякий потенциал развития и даже саму волю к жизни.

И напрасно бодрится меньшинство, жирующее на захваченной собственности. Путь-то под уклон. Они пока что питаются трупом убитой страны, и им кажется, что пищи вдоволь. Но трупы не воспроизводятся и не растут, даже банкиры это знают. Потому-то они покупают дома за границей и отправляют туда же рожать своих жен и дочерей – чтобы дети и внуки получили иностранное гражданство по праву места рождения.

Один философ сказал с горечью: «Я сеял зубы дракона, а собрал урожай блох». Наши антисоветские романтики, носившие на руках Евтушенко с Окуджавой, сеяли поэтических блох, а выросли и заполонили страну огромные тифозные вши. Надо понять, как это получилось.

Мы будем говорить об антисоветском проекте как большой интеллектуальной и духовной конструкции, даже особом мировоззрении, спроектированном на советский строй (хотя, в принципе, очень важно было бы понять и другие стороны этого мировоззрения, направленные на разные стороны бытия, прямо не связанные с советским проектом).

Что же понимать под «антисоветским проектом»? Ведь сейчас антисоветские идеологи упорно твердят о том, что никакого проекта не было, что «все рухнуло само», что «хотели как лучше» и т. д. Это мелочные оправдания – под проектом понимается не сетевой график действий Горбачева, а вещь более принципиальная.

История дала нам хорошо изученный и прямо отвечающий на наш вопрос случай – Великую Французскую революцию. Она разрушила Старый Порядок (эти слова даже писали с большой буквы, чтобы подчеркнуть цивилизационный масштаб этой революции, которая действительно изменила все жизнеустройство). Общеизвестно, что эта революция следовала грандиозному проекту, который вызревал в течение полувека и сам вытекал из философского и культурного течения, которое было названо Просвещением. Иными словами, говорить о *проекте* Великой Французской революции – не значит следовать теории заговора (хотя в техническом ее исполнении была велика роль заговорщиков и вообще теневых политических сил, например, масонов).

Как же вызревал тот проект и в чем выразился? В том, что группа видных деятелей культуры и науки Франции в течение длительного времени целенаправленно и систематически описывали все главные устои Старого Порядка и убеждали общество в том, что эти устои негодны и должны быть сломаны. Известна роль *энциклопедистов*. На их примере хорошо видно, как вынашивался проект. Небольшая группа видных ученых и философов, соединившись вокруг Дидро и Д'Аламбера, в течение 20 лет (до 1772 г.) выпускала «Энциклопедию», соединив в ней современные знания. Но главный замысел был в том, что каждый научный вопрос излагался так, чтобы доказать негодность Старого Порядка. В 1758 г. Генеральный Совет Франции принял даже специальное постановление об энциклопедистах: «С большой горечью мы вынуждены сказать это; нечего скрывать от себя, что имеется определенная программа, что составилось общество для поддержания материализма, уничтожения религии, внушения неповиновения и порчи нравов». Энциклопедия выходила легально, но был организован и «самиздат», в том числе за рубежом.

Что же у нас? По типу – то же самое. Видные деятели интеллигенции целенаправленно и методически убеждали граждан в негодности всех устоев советского порядка. Я с 1960 г. работал в Академии наук и прекрасно помню все разговоры, которые непрерывно велись в лаборатории, на домашних вечеринках или в походе у костра – оттачивались аргументы против *всех существенных черт* советского строя. Так и вызревало то, что я назвал «проектом».

Над ним работали в самых разных «нишах» общественного сознания – и ученые, и поэты, и священники.

Вот, например, пишется история одного маленького отряда, «методологического сообщества» (или «игропрактиков» – тех логиков и вообще обществоведов, которые занимались разработкой деловых игр). Историк пишет о них: «Появление игр второго поколения связано с деятельностью Московского методологического кружка, работавшего в 1952 г. под руководством канд. филос. наук Г. П. Щедровицкого. Среди основателей кружка – А. А. Зиновьев, М. К. Мамардашвили и Б. А. Грушин... Все обсуждения записывались на магнитофон и затем распечатывались на пишущих машинках. (За 40 лет в методологических кружках скопились сотни томов машинописных материалов семинаров и игр)... Методологическое движение не представляло собой какой-то реальной оппозиции политическому режиму. Скорее, оно проводило подспудную кропотливую работу, готовя перемены. Не случайно его представители оказались в первых рядах, когда эти перемены начались» (В. Н. Макаревич. Игропрактики, методологи: «незримое сообщество» выходит из подполья. – СОЦИС, 1992, № 7).

В построение антисоветского проекта была вовлечена значительная, если не большая часть интеллигенции, которая в постоянных дебатах совершенствовала тезисы и аргументы, искала выразительные метафоры. Со временем, к концу 70-х годов в это предприятие было втянуто практически все общество – хотя бы в качестве зрителей и слушателей. Книжки и фильмы с антисоветским подтекстом, теле- и радиопередачи, песни бардов, черный юмор и анекдоты – все имело идеологическую антисоветскую нагрузку.

Избежать этого влияния было нельзя, антисоветские идеи и формулы превращались в привычные штампы, становились *стереотипами массового сознания*. В этом смысле СССР стал уникальным государством, объектом удивления и насмешек. В 80-е годы в одной из поездок на Запад я услышал такой анекдот: выходит советский человек на улицу и спотыкается о камень; поморщившись от боли, он ворчит: «У, проклятая система!»

Настолько привычными стали попреки «системе», что доходило до нелепостей – а мы этих нелепостей не замечали. Всякое лыко в строку. Помню, в 70-е годы воспринимался как смелый и тонкий вызов «советской системе» куплет из банальной песни Высоцкого о том, как он звонит из Москвы в Париж Марине Влади. В порыве чувств он восклицает: «Почему мне в кредит, по талону предлагают любимых людей?» И в мозгу у слушателя щелкало: какая бесчеловечная, холодная, бюрократическая система! В кредит! По талону! Любимых людей! Вы подумайте только – любимых! Слушали, и как-то не приходило в голову: а как же тебе, черт побери, надо предоставлять телефонную связь с Парижем, чтобы ты по полчаса с Мариной трепался? Ведь это для твоего же удобства делается, чтобы не тащиться на почтамт, а дома из кресла разговаривать. Хочешь – купи талон на фиксированное время, а хочешь – говори в кредит, сколько душе угодно. Что же тут плохого? Или любимых людей надо соединять с Парижем бесплатно? И только ли с Парижем? Не один Высоцкий в разлуке бывал и по телефону звонил, но ни у кого таких претензий не было, а тут он спел, и все закивали. Ах, по талону...

«Молекулярное» воздействие мелких антисоветских утверждений – слухов, шуток, анекдотов – было исключительно интенсивным. Мы эти воздействия просто перестали замечать и воспринимали как шум, без всякого критического анализа. Каждый мог бы вспомнить множество эпизодов из личной жизни. Приведу и я один такой эпизод, о котором задумался только сейчас, когда пишу эту книгу.

Дело было весной 1985 г., когда ничто еще не предвещало крутого поворота 1988 г. Я был заместителем директора одного из институтов АН СССР. Сидели мы в дирекции, и мой коллега, тоже замдиректора, долгое время до этого работавший в ЦК КПСС, рассказал такую историю, которая якобы произошла на днях. В детском саду на кухне утонула в кастрюле молока крыса. Повариха ее вытасила и выбросила, а молоко пожалела, разлила по стаканам и дала детям. А крыса-то до этого отравилась крысиным ядом. И вот, 22 ребенка умерли, выпив этого

молока. Мы все, услышав такое печальное известие, помолчали, пробормотав что то вроде «вот так все у нас...». Мол, «у-у, проклятая система».

Примечательно, что никто не усомнился в этом сообщении, хотя директор был биологом по образованию, а я – биохимик-экспериментатор с большим опытом. Мы не усомнились, хотя нам-то должно было быть очевидно, что вся эта история – выдумка. Сейчас я ее вспоминаю, и меня бросает в жар. Как стыдно! Столько учился, сам работал с похожими вещами – что же вдруг так заблокировало твои знания и твой опыт? Почему тебя вдруг превратила в идиота эта примитивная «утка»?

Посудите сами. Крыса, животное весом около 200 г., съела смертельную дозу крысиного яда. Яд этот, конечно, вреден для всех млекопитающих, но все же особенно он действует на грызунов, на их специфическое слабое место – кровоточивость слизистой оболочки желудка. Как яд используется антикоагулянт – вещество, затрудняющее сворачивание крови. Для людей он гораздо менее ядовит, чем для крыс. Иными словами, человек весом 200 г., проглотив весь яд, который был в крысе, скорее всего не умер бы, а лишь переболел. Но даже такой маленький человек никак не мог получить всего того яда, что проглотила крыса. Он выпил бы свою долю молока – 1/22 (если все молоко до капли выпили «умершие дети»). Значит, он мог получить максимум 4 % того яда, что содержался в кастрюле молока. Это исходя из предположения, что *весь* яд перешел в молоко. Но яд не перешел в молоко, это абсолютно невозможно. Яд находился в желудке и в тканях крысы. В молоко могла перейти лишь очень небольшая часть этого яда. Скажем, 1 % (на даже если 10 % – это дела не меняет). Таким образом, ребенок весом 200 г получил бы около 1/2200 смертельной для крысы дозы яда. Но детей весом 200 г не бывает даже в проклятых советских детских садах. Дети наши в то время весили по 10–15 кг. Совокупная масса тела 22 детей составляла по меньшей мере 220 кг – в тысячу раз больше, чем у нашего гипотетического ребенка размером с крысу. Следовательно, количество принятого с молоком яда составляло порядка одной миллионной части смертельной дозы.

Предположим даже невероятное – что крыса съела десять смертельных доз! Значит, ребенок в среднем получил не одну миллионную часть, а одну стотысячную часть смертельной дозы, одну десятитысячную, наконец – все равно слишком мало. Не только о поголовной смерти воспитанников детсада не могло идти речи, но и вообще о каком-то недомогании. Говорят, что дело могло быть не в яде, а в тех болезнетворных микробах, которые попали с грязной крысы в молоко. Но это была бы совсем другая история. Ну, заболел кто-то из детей, кого-то пронесло – это совсем не то. В любом случае, мало-мальски образованный в данной области человек сразу должен был бы *усомниться*. Мы же выслушали – и *не усомнились*, в этом корень проблемы. Эта история была явно «лабораторным» продуктом. Раз в нее сразу поверили, значит, к этому уже была предрасположенность.

Недавно я рассказал об этом на одном узком семинаре. Поразительно, что слово в слово история о крысе и гибели детей в тот год рассказывалась и в других местах. Ее слышал один из участников семинара, тогда моряк-подводник. То же молоко, те же 22 ребенка. В Интернете я попросил компетентных людей оценить обоснованность моих приблизительных расчетов. В общем, согласились на том, что смерть детей от яда, который был в крысе, невероятна. Заболевание от инфекции – возможно, но тогда бы не было быстрой и поголовной смерти. По общему мнению, эта история была сфабрикована, и предрасположенность к восприятию таких историй в обществе тоже была. Один собеседник написал: «Да, была такая история, еще там один ребенок молока не пил и потому выжил, а повариха повесилась. Вплоть до того, что я встречал очевидца, видевшего «детские гробики в овраге на Хованском кладбище». Ну, понятно, что и гробики не могут валяться, и оврага там нет, но – *своими глазами*».

Многие помнят, что вообще черный «фольклор» о детсадах был тогда популярен. Все слышали сказку о том, как нянечки сажают малышей голенькими на горшки – и открывают форточки, чтобы их простудить ради облегчения своей работы. Этому тоже охотно верили.

Когда мы в Интернете обсуждали и эту версию черной легенды, один участник семинара, живущий в США, прислал оттуда такую реплику: «Забавно, что во-первых, в садики здесь ходят не меньше, чем в Союзе, а во-вторых, болеют дети гораздо чаще. А почему? А потому, что больничных у родителей практически нет и больной ребенок, напичканный тайленолом, отправляется в садик заражать остальных детей. И не нужно злой тети. Система работает сама». Но тогда, в 80-е годы, людей приучили к мысли, что советская система – самая страшная.

Комментарий из 2001 г.: «крыса в молоке» – эпизод психологической войны

При обсуждении в Интернете истории с крысой, от которой якобы отравился целый детский сад, всплыла книжка некоего М. Веллера, который поведал эту историю в виде «документальных зарисовок» врача «Скорой помощи». «Врач» даже указал конкретный населенный пункт, где эта история произошла. Вот она, в чуть сокращенном виде:

Михаил Веллер. «Байки скорой помощи». Отравление

День выдался на редкость: то сосулька с крыши, то рука в станке, то подснежник, то ножевое... И тут диспетчерша над карточкой затрудняется: звонят из Мельничных Ручьев, из яслей – что-то детям плохо... Что плохо? Похоже на отравление... Скорей. Едем, едем! А что – вообще? Да дышат плохо. Синеют... И у скольких это? Да почти все... Сколько!!! Всего – тридцать семь... Массовое тяжелое отравление в яслях! Гоним все свободные машины... А на тяжелые случаи у детей мы едем быстро, чай не допиваем и в карты не доигрываем – рысью и под сиреной: это тебе не старушка-хроник представляется и не алкаш в дорожное вмазался...

Ясельники... Рвотное, промывание, сердце поддерживать, кислород искусственно. Трясем воспитательниц: как, когда, что пили? – Накормили манной кашей, уложили спать, тут и началось. Санэпидстанцию сюда! – воду на анализ, молоко на анализ: что за эпидемия кошмарная, что за бацилла, что за яд такой? Детей пачками везем в больницы, кто-то уже помер, лаборатория корпит в поту: в рвоте и поносе – ДДТ и мышьяк!.. Милиция роется в помойке, откапывает остатки каши, везет на экспертизу: есть мышьяк и ДДТ в каше! Родители уже рыдают по больницам, местное население гудит и собирается сжечь эти ясли, заперев предварительно персонал.

Звонок на «скорую»: повешение. Жив? Какое там, остыла. Кто? А заведующая этими яслями повесилась... Выяснилось, что они сварили крысу... На раздаче повараха зачерпывает со дна – батюшки! из черпака хвост висит... Пришла заведующая. Обматерила поваришу. Велела выкинуть крысу в помойное ведро и быстро убрать на помойку... И покормили кашкой... Выварилась химия из крысиного организма и напитала всю кастрюлю до той самой концентрации... Ну что. Заведующую на кладбище, поварише восемь лет. А из детей шестерых так и не откачали».

Товарищи не поленились и поехали на место происшествия, в поселок Мельничный Ручей неподалеку от Ленинграда. Детского сада там нет. Женщины, которым они пересказали эту историю, утверждают, что ничего подобного в их поселке никогда не было – «местное население не гудело и не собиралось сжечь эти ясли, заперев предварительно персонал».

Кстати, заметьте, как походя этот Веллер мазнул и «Скорую помощь» – если старушка умирает или человек («алкаш») попал под машину, то они, мол, не торопятся – чай допивают и в карты доигрывают... Строго говоря, культурная диверсия М. Веллера – элементарная акция психологической войны против СССР. А мы все были долго уверены, что врагов народа не существует.

Антисоветский проект «шестидесятников» не собран в каком-то одном большом труде, хотя и есть отдельные сборники с его более или менее связным изложением – например, книга-

манифест «Иного не дано» (1988). Его сущность изложена в огромном количестве сообщений по частным вопросам, в «молекулярном» потоке идей, символов и метафор, которые омывали умы людей. Крупные фигуры, известные диссиденты были лишь своего рода опорами, устоями всего этого движения, задавали его траекторию и мифологию. Близкие им духовно и культурно партийные деятели и члены научно-гуманитарной верхушки сотрудничали эффективно, но не явно. Так же и самиздат лишь задавал некую видимую линию фронта. Главная интеллектуальная работа делалась элитарной частью «шестидесятников» – партийно-художественной интеллигенцией среднего ранга, тесно связанной с номенклатурой (точнее, частью номенклатуры).

В 1991 г. вышел сборник статей А. Адамовича «Мы – шестидесятники» (М.: Советский писатель). Он содержит довольно подробное перечисление тех фигур, которые выражали суть этого движения и составляли его «мозговой центр» и организационный костяк. Примечательно и то, что эти «шестидесятники руководящего звена» входили одновременно в номенклатуру и советскую, и западную. В Москве или Минске они запросто беседуют с Андроповым или Машеровым, а в США – с Робертом Кеннеди, который якобы в ванной, под шум пущенной из крана воды излагает Евтушенке секреты ЦРУ (это Евтушенко рассказал Адамовичу).

Из этого следует, что «шестидесятники» имели широкий доступ к информационным и административным ресурсам. Не только в СССР они занимали ключевые посты в сфере духовного воздействия на общество. Давно началась их подпитка и внешними средствами. Советология в США представляла собой огромную, прекрасно оснащенную машину, которая досконально изучила все уязвимые точки советской системы, все слабости, предрассудки и стереотипы советского мышления. Она работала не только на ЦРУ, но и на наших «шестидесятников».

Что же касается идейного содержания сборника Адамовича, то у меня он оставил тягостное впечатление. Ненависть разлита по каплям, нигде ее основания ясно и в связной форме не излагаются. На первый взгляд, и идей-то никаких нет, мешанина из Ленина, Сахарова, Швейцера, Евтушенко. Понятно, что суть – *отрицание*, но редко-редко проскользнет какая-то черточка *желаемого* образа, хоть какая-то частица конструктивного проекта. Проскальзывает – и тут же прячется. Вот, А. Адамович, депутат Верховного Совета СССР, выступает в 1989 г. перед студентами и преподавателями МГУ и говорит: «Любому правительству, какое у нас сейчас будет, придется пойти на очень жесткие меры в экономике, которые приведут к безработице, росту цен, инфляции, вызовут недовольство широких масс» (с. 346). Важная мысль – так растолкуй ее! Почему от полной занятости надо переходить к безработице, почему надо обрушивать производство и вызывать рост цен и инфляцию? Ясно, что такие идеи вынашиваются годами, но ведь никогда этот проект в целом людям не излагался.

Тексты «шестидесятников» мне пришлось читать уже в 90-е годы, когда они стали выражаться гораздо яснее и полнее. Но все равно, эта ползучесть и уклончивость остались. И какое-то удивительное *принижение* всех проблем бытия. Как будто им самим их собственная позиция по главным вопросам казалась предосудительной. Уход от «вечных» вопросов как культурное кредо целого течения. В этом, видимо, был большой смысл.

Прочитав множество таких текстов, я поймал себя на странной мысли – эти «шестидесятники» сеяли зерна ненависти и удобряли их авторитетом ученых, поэтов, публицистов. А выращивали их, дополняли их своим трудом и разумом безымянные трудящиеся интеллигенты, которые вовсе не испытывали ни ненависти к основам советского строя, ни желания устроить в стране безработицу. И созревали плоды, которые потреблял народ – мякоть их была наполнена здоровым желанием улучшить нашу жизнь и укрепить советскую страну, а семечки содержали яд ненависти и разрушения.

Я, с 1960 г. работая в академической лаборатории, получал идеи «шестидесятников» от старших коллег и товарищей именно в форме таких плодов. К слову сказать, по своему интел-

лектуальному уровню они были выше того, что потом выбросила в печать сама антисоветская элита, карякины и адамовичи. Такой возник «союз меча и орала».

Таким образом, чтобы понять последний сорокалетний период нашей жизни, нам надо реконструировать тот большой антисоветский проект (проект «*жизнеразрушения*»), который влиял на общественное сознание в целом, в том числе на сознание партийно-государственной элиты. Поскольку в СССР не было «гражданского общества», установки этой элиты в громадной степени предопределяли судьбу страны.

Зачем нам сегодня восстанавливать в уме антисоветский проект? Во-первых, он имеет прямое отношение к выяснению сути советского строя. По направлению ударов мы легче обнаружим его несущие конструкции, ибо удары эти оказались точными и эффективными. Вся доктрина «шестидесятников» в их войне против СССР может служить нам научным инструментом, тем зеркалом, в котором пусть с ненавистью, но отражены главные черты советского строя. Это – не просто полезное дополнение того образа, что мы способны нарисовать с любовью. Это – выявление подлинного образа, который был покрыт лубочной росписью и лаком официальной идеологии. О себе могу сказать, что большую часть знания и понимания советского строя мне дало чтение именно *антисоветских* текстов и выступлений 90-х годов. Раньше я жил и о многих вещах просто не задумывался, они казались мне естественными. Но когда знаменитые мужи утверждают, что это вещи противоестественные и мерзкие, просто нельзя о них не задуматься.

А для тех, кому придется разбирать руины нашего сокрушенного дома, структуру антисоветского мышления надо знать обязательно, поскольку оно никуда не делось. Напротив, оно все еще нагнетается всей мощью идеологической машины, и оказывается, что многие его блоки в действительности имели главным объектом атаки вовсе не политико-идеологическую шапку СССР, а именно цивилизационные основы жизнеустройства наших народов. Не против КГБ они были направлены, а против детсада и пионерлагеря! Главное противостояние продолжается, только теперь почти не осталось того страшного коммунизма, в который было удобно целиться, чтобы стрелять в Россию.

Образ антисоветского проекта неизбежно будет казаться противоречивым, поскольку в нем на общей основе антисоветизма были соединены очень разные культурные силы. Боннэр с Солженицыным, Шафаревич с Новодворской! После успеха в первой военной кампании – уничтожения СССР – они друг от друга отошли и даже переругиваются, духовно удерживая в сфере своего притяжения разные части общества. Но их антисоветизм – основа фундаментальная, и в этом своем векторе они продолжают составлять единый фронт.

Понятно также, что изложение проекта будет схематичным, убогим и упрощенным, как всякое препарирование для анализа сложной системы. К тому же есть еще много «белых пятен» в этой истории, а есть вещи совсем непонятные. Мне, например, непонятна сама страсть публично, на людях охаивать дело своих любимых отцов и даже свое собственное – а это мы видели у очень разных людей, вставших на антисоветскую тропу. У Гайдара и Антонова-Овсеенко, Ч. Айтматова и Б. Окуджавы. Бывает, люди пересматривают свои взгляды, но есть же приличия.

Прежде чем перейти к обсуждению интеллектуально-философских оснований антисоветского проекта, введем в наш разговор контроль *меры*.

Глубина проникновения и широта охвата антисоветского мышления в общественном сознании

Поскольку антисоветизм является официальной идеологией победившего в конце 80-х годов блока нескольких социальных групп, которые сегодня составляют «господствующее меньшинство», измерить приверженность общества к антисоветским ценностям по внешним

признакам непросто. Внешние проявления общественной позиции через СМИ кардинально искажают реальность, поскольку вся эта система, за исключением контролируемых вкраплений «оппозиционной прессы», находится на службе у господствующего меньшинства. Поэтому приходится опираться на собственные интуитивные оценки и на результаты социологических исследований, публикуемые в специальной литературе.

По моим интуитивным оценкам, все общество и особенно интеллигенция были и остаются затронутыми влиянием антисоветской пропаганды. И тем не менее, очень небольшое число граждан России и других республик СССР (даже прибалтийских) сознательно отвергают главные устои советского строя. Чаще всего они просто не понимают, о чем идет речь, а в душе привержены именно культурно-философским устоям советского проекта в их главной сути.

В 1995 г. ВЦИОМ опубликовал большой обзор результатов социологических опросов «Мониторинг перемен: основные тенденции» («Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». М., 1995, № 2). Надо подчеркнуть, что руководство, да и коллектив ВЦИОМ в общем стоят на радикально антисоветских позициях и многие данные сообщают со злобными комментариями, скрипя зубами. Но знание их хозяевам необходимо, и данные сообщаются. Вот некоторые выдержки из обзора, прямо говорящие о глубинном отношении людей к советскому строю и антисоветским альтернативам:

– «И старая, и новая идеологическая мода побуждает добрую половину респондентов склоняться к признанию несовместимости отечественного образа общественной жизни с «западной демократией». Сравнение двух замеров, разделенных полутора годами, – да еще какими! – показывает, что перед нами не просто показатель настроения, а установка, что-то вроде канона общественного сознания россиян. Это не усредненная, а поистине универсальная установка, разделяемая – в неодинаковых, впрочем, пропорциях относительным и абсолютным большинством практически во всех наблюдаемых категориях респондентов»¹.

Поскольку весь антисоветский проект строился на идее замены советского государственного строя демократией западного типа, вывод очень красноречив. В 1994 г. 33 % посчитали, что «многопартийные выборы» принесли больше вреда, и 29 % – что больше пользы. О «праве на забастовку» 36 % сказали «больше вреда», и 23 % – «больше пользы».

– «Как лучший период в истории XX в. общественное мнение выделяет времена правления Брежнева и Хрущева, перестройка же оказывается *наихудшим* временем по соотношению негативных и позитивных оценок... «Правильной» *кажется перестройка имеющим высшее образование (23 %), москвичам (22 %), избирателям «Выбора России» (29 %)*».

Удивительно, что даже в группах, где антисоветская идеология казалась абсолютно господствующей, слом советского строя положительно оценивает лишь около четверти респондентов.

– «За пять лет реформ (1990–1994 гг.) число приверженцев частной собственности сократилось, а доля ее противников – возросла. Можно утверждать: население укрепило в своем представлении о том, что основой частной собственности должен быть малый бизнес. Крупное производство, по мнению большинства населения, должно оставаться вне частной собственности... В массовом сознании богатство нынешних «новых русских» не является легитимным, поскольку, по мнению населения, получено в результате либо «прихватазации» бывшей госсобственности, либо финансовых махинаций и спекуляций... К участию иностранного капитала в российской экономике большинство россиян по-прежнему относится отрицательно, причем заметна тенденция усиления негативного отношения. Особое неприятие вызывает возможность распространения собственности иностранных граждан на крупные фабрики и заводы. Против собственности иностранцев на крупные участки российской земли по-прежнему высказываются более 80 % россиян, на мелкие – более 60 %».

¹ Замеры делались в июне 1993 г. и в октябре 1994 г.

Исключительно информативна «карта страхов» – субъективные представления об угрозах для благополучия личности и семьи. Столкнувшись с новыми, непривычными в позднее советское время угрозами и рисками, люди начинают по-иному оценивать государственное и экономическое устройство СССР. В указанном обзоре 1995 г. сказано: «Итоги пятилетия достаточно очевидны. Страх насилия на почве национальной вражды вырос на порядок; страх перед нападением преступников и боязнь безработицы, бедности увеличились втрое; страх перед возвратом к практике массовых репрессий – вдвое; страх перед произволом властей, беззаконием и перед публичными унижениями, оскорблениями – в полтора раза. Почти вдвое снизился страх перед стихийными бедствиями, а также ужас от мысли о возможных болезнях, мучениях смерти... Таким образом, за последние пять лет все социальные страхи резко усилились за счет личностных. Если же считать личностные страхи неизменными, то приходится признать еще более резким рост социальных страхов и значительное – в полтора-два раза – увеличение числа постоянно испытываемых страхов».

Надо отметить, что советский тип трудовых отношений стал даже более привлекательным в ходе реформы. В 1989 г. из всех вариантов 45 % выбрали такой, типично советский: «Небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне». В 1994 г. этот вариант выбрали уже 54 %. Типично «антисоветский» вариант («Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск») выбрали 9 % в 1989 г. и 6 % в 1994 г. В среднем 84 % опрошенных считали в 1989 г., что обязанностью правительства является обеспечение всех людей работой, а в ноябре 1991 г. более 90 % выразили это убеждение – убеждение, которое в антисоветской пропаганде было одним из главных объектов атаки.

Вот как менялось, по мере приобретения «рыночного» опыта, отношение к советскому типу предоставления социальных благ. В ноябре 1991 г. 41 % считали, что школьное образование должно быть «в основном бесплатное», в октябре 1993 г. такое мнение выразили 58 %, в январе 1995 г. 70 % и в январе 1996 г. 74 %. За «в основном бесплатное» медицинское обслуживание в те же сроки высказались 22, 46, 57 и 60 % («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1996, № 3).

Показательны оценки советского и нынешнего строя по интегральному, бытийному критерию – возможности *счастья*. В мае 1996 г. было опрошено 2405 человек. Им был задан вопрос: «Когда было больше счастья: до перестройки в конце 70-х годов или в наши дни». Ответили, что «до перестройки», 68 % людей с низкими доходами, 55 % со средними и 44 % с высокими. Но даже среди богатых меньше тех, кто видит в нынешней жизни возможность для счастья – их всего 32 % («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1996, № 4). И это показатель, который при нынешнем антисоветском строе не будет расти – для большинства жизнь будет все более ухудшаться.

Самым крупным международным исследованием установок и мнений граждан бывших социалистических стран СССР и Восточной Европы, является программа «Барометры новых демократий». В России с 1993 г. работает в рамках совместного исследовательского проекта «Новый Российский Барометр» большая группа зарубежных социологов. В докладе руководителей этого проекта Р. Роуза и Кр. Харпфера в 1996 г. сказано: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе». Оценки нынешней политической системы еще хуже.

А вот что сказала активный антисоветский идеолог академик Т. И. Заславская на Международной конференции «Россия в поисках будущего» в октябре 1995 г.: «На прямой вопрос о том, как, по их мнению, в целом идут дела в России, только 10 % выбирают ответ, что «дела идут в правильном направлении», в то время как по мнению 2/3, «события ведут нас в тупик». Именно те же 2/3 россиян при возможности выбора предпочли бы вернуться в доперестроечное время, в то время как жить как сейчас предпочел бы один из шести» (СОЦИС, 1996, № 3).

Определенно антисоветскую позицию занимает в России очень небольшое меньшинство. В начале 1996 г. ВЦИОМ по заказу французского университета и на деньги какого-то иностранного фонда провел опрос жителей трех областей (включая областной центр), в котором выяснялось отношение к советскому прошлому. Хотя по результатам выборов в Государственную думу (декабрь 1995 г.) эти области сильно различались, отношение к советскому строю было на удивление сходным. Определенно антисоветским был выбор такого варианта ответа: «Это были тяжелые и бесполезные годы». Такой вариант выбрали 6 % в Ленинградской области, 5 % в Красноярском крае и 5 % в Воронежской области («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1996, № 2). Таков размер социальной базы убежденного антисоветизма.

Для нашей темы существенно также исследование американского социолога Т. Кларка «Отношение к реформам и электоральные установки». Дело в том, что образ советского строя в массовом сознании ассоциируется с КПРФ (неважно даже, в какой степени обоснованы эти ассоциации). Люди даже не вникают в туманные программные заявления этой партии, она воспринимается как носитель именно советских принципов. Но за КПРФ голосует около трети избирателей, более половины их вообще не ходят на выборы. Каково же их мнение? Это и исследовал Т. Кларк. Вот его вывод:

«Психологические установки и эмоциональные оценки политически неангажированных групп весьма близки к настроениям оппозиции. Они полагают, что их жизнь хуже родительской, убеждены, что не могут улучшить свою жизнь, оценивают свою ситуацию как нетерпимую, связывают свои надежды на успех с тем, насколько справедливо устроено общество. Таким образом, и по отношению к рыночным реформам, и по эмоционально-психологическому состоянию политически неангажированные группы значительно ближе к сторонникам КПРФ и ЛДПР, чем «Выбора России».

Учитывая диаметрально противоположные позиции поддерживающих «Выбор России» и сторонников оппозиционных партий или неангажированных групп практически по всем вопросам, трудно предположить, что «Выбор России» сможет найти способ адресоваться к ним. Безусловно, это неутешительная новость для реформаторов. Поскольку данные ВЦИОМ показывают, что в сумме сторонники оппозиционных партий и неангажированные группы составляют более 66 % всего взрослого населения РФ» («Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1994, № 6).

Подчеркну, что среди самих сторонников «Выбора России» почти 80 % вовсе не были в тот момент *фундаментально* антисоветскими. В действительности те, кто исповедует принципиально антисоветские установки, составляют численно совершенно незначительное меньшинство, и позиции их поистине *диаметрально противоположны* воззрениям подавляющего большинства. Кстати, маленький, но красноречивый психологический нюанс. Только 3 % опрошенных позитивно воспринимают обращение «*господа*». Даже среди самих господ предпринимателей таких насчитывается всего 12 %. Страшно людям оторваться от советского понятия *товарищ*.

Вот признание (в 1994 г.) видного антрополога, министра в правительстве Ельцина В. Тишкова: «Фактически мы живем по старым законам, старого советского времени. Проблема номер один – низкое гражданское самосознание людей. Нет ответственного гражданина... У нас даже человек, севший в такси, становится союзником водителя, и если тот кого-то собьет или что-то нарушит, он выскочит из машины вместе с водителем и начнет его защищать, всего лишь на некоторое время оказавшись с ним в одной компании в салоне такси. При таком уровне гражданского сознания, конечно, трудно управлять этим обществом».

Таким образом, можно считать, что в главных вопросах общественное сознание в России (и тем более на Украине, в Белоруссии и в азиатских республиках СССР) не являлось и не является антисоветским. Даже к 1991 г., на пике перестроечной пропаганды, антисоветизм не был принят большинством. Но этого и не требовалось антисоветским силам – им достаточно

было того, что большинство народа уклонилось от активной защиты советского строя и даже от активной рефлексии – от того, чтобы обдумать последствия того поворота, что назревал.

Во время глухой борьбы антисоветского меньшинства с тем меньшинством, которое предвидело ту катастрофу, к которой приведет слом советского строя, большинство интеллигенции стояло в стороне, пассивно наблюдая. Это предопределило поражение СССР, который стоял на идее общего дела. Катастрофа и произошла потому, что при такой позиции большинства произошла не смена одного строя жизни другим, сознательно выбранным, а возникла Смута, которой овладели воры.

Опасность для государства массового уклонения граждан от того, чтобы четко определить свою позицию в момент общественных противостояний, хорошо понималась уже на этапе становления афинской демократии. Аристотель пишет: «Видя, что в государстве часто происходят смуты, а из граждан некоторые по беспечности мирятся со всем, что бы ни происходило, Солон издал относительно их особый закон: «Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других, тот предается бесчестию и лишается гражданских прав».

Плутарх тоже отмечает этот момент в законах Солона: «Из остальных его законов особенно своеобразным и странным является тот закон, который повелевает, чтобы был лишен гражданской чести человек, не примкнувший во время смуты ни к той, ни к другой партии. Но он хочет, как кажется, чтобы никто не относился равнодушно и безучастно к общим интересам, оградив от опасности личное достояние и отговариваясь тем, что не разделяет горя и страданий своей родины; он хочет, чтобы всякий немедленно примкнул к тем, которые преследуют лучшие и более справедливые цели, делил с ними опасности и помогал им, а не выжидал в безопасности того, что предпишут победители» (Аристотель. Афинская полития. М.: Соцэкгиз, 1937)².

Во время революции начала XX века мы выбрались из Смуты потому, что достаточно большая часть народа чувствовала ответственность за выбор. М. М. Пришвин записал в дневнике 30 октября 1919 г.: «Был митинг, и некоторые наши рабочие прониклись мыслью, что нельзя быть посередине. Я сказал одному, что это легче – быть с теми или другими. «А как же, – сказал он, – быть ни с теми, ни с другими, как?» – «С самим собою». – «Так это вне ответственности!» – ответил таким тоном, что о существовании вне общности он не хочет ничего и слышать».

Таким образом, в начале 90-х годов вовсе не произошло, как утверждают демократы типа Немцова, «свержения советского строя народом», сознательного перехода масс на антисоветскую позицию. Нет, произошла номенклатурно-криминальная «революция сверху» с *дезорientацией* народа.

Главное, что отказ от штампов официальной советской идеологии вовсе не говорил о том, что произошли принципиальные изменения в *глубинных* слоях сознания. А ведь именно в этом суть и предпосылки для выбора той или иной траектории пути нашего развития. Другое дело, что в массовом сознании представления о реальности расщеплены, в умах людей возникла мешанина из несоизмеримых, часто взаимоисключающих воззрений и притязаний. Например, опрос учащихся 11-го класса школ и ПТУ Нижегородской области в мае 1992 г. показал, что каждый второй хотел бы стать предпринимателем, каждый четвертый – завести собственное дело. Но рано или поздно жестокая действительность приведет сознание в рамки здравого смысла. Это – условие биологического выживания человека в обществе, а полного вымирания народа ожидать все-таки не приходится.

В целом, можно сказать, что подавляющее большинство наших соотечественников сохраняют фундаментальные основания советского взгляда на жизнь и на человека, но эти ценности

² Лишение гражданской чести – тяжкое наказание, равносильное лишению гражданских прав.

и установки прикрыты в поверхностных слоях сознания антисоветскими претензиями и фобиями. Этот внутренний конфликт порождает тяжелый культурный кризис и объясняет многие нынешние аномалии в поведении и даже трактовке действительности.

Однако то меньшинство, которое сознательно отвергает советский строй, активно. Если учесть, что в общественных процессах важна не численность («масса») социальной группы, а «масса, умноженная на коэффициент активности», станет понятно, что в России сегодня возникло равновесие сил. Реформаторы не могут доломать советский строй и вынуждены после первого штурма и натиска выгрызать его малыми кусочками или давать его остаткам «умереть самому», просто от истощения – как, например, науке или образованию, а люди, могущие и желающие жить в обществе, подобном советскому, не могут ни сохранить структуры советского строя, ни начать их восстанавливать. Но это равновесие неустойчиво, рано или поздно оно будет сломано.

Рассмотрим кратко идейный багаж разных «сознательно антисоветских» течений.

«Новые русские» – радикальная антисоветская субкультура

Когда в конце перестройки кризис в России достиг зрелости, определилось и получило имя активное действующее лицо этого кризиса – «*новые русские*». На время они стали в России тем, что называют *господствующее меньшинство*. А. Тойнби дает такое определение этому понятию: «Под господствующим меньшинством я имею в виду правящее меньшинство, держащееся не столько симпатиями своих подданных, сколько силой. Подобное изменение случается в моменты, когда творческое меньшинство теряет возможности дальнейшего творческого действия. Это может случиться по собственной вине или в результате какой-либо западни, какими изобилует творческий путь. Оно может быть искушено собственными же успехами, либо потеряв контроль над собой, либо преждевременно подняв над водой весла».

Имя «новые русские» стало мелькать в демократической прессе с конца 1990 г. и сразу получило четкое толкование: речь шла о появлении небольшой группы населения, объединенной активным отрицанием ценностей советского строя. «Новые русские» рассматривались как движущая сила рыночной реформы, обладающая энергией и страстностью, достаточными даже для того, чтобы объявить «старым русским» непримиримую гражданскую войну (некоторые антисоветские идеологи понимали это в буквальном смысле слова).

Можно было говорить о появлении новой этнической группы, с иной психологией, поведенческими идеалами и предрассудками. То есть, о явлении *этногенеза*, формирования нового народа. Эти процессы, как и быстрое изменение психологического склада основной массы народа, всегда наблюдаются в периоды острых кризисов и революционных изменений. Появлению субэтнотел предшествует возникновение новых *субкультур* – течений, объединенных отрицанием культурных ценностей и норм, разделяемых основной массой населения. И у нас этот процесс шел.

«Независимая газета» с одобрением писала о новом движении в кино, «представшем перед кинообщественностью под лозунгом «новые русские». В этом был элемент провокации: в ряды движения выбирали отнюдь не по принципу славянской принадлежности. Что касается «новых», речь шла еще об одной попытке освобождения от груза проблемности и мессианских замашек, которыми грешили все «старые» русские».

Как пишет газета, фильмы «новых русских» отрицают «эстетику русского Космоса, который страшнее Хаоса», ибо «это эстетика выкидыша или плода, зачатого и выношенного большой женщиной от лилипута». Как видим, уже на уровне субкультуры «новые русские» декларировали очень высокую степень агрессивности даже по отношению к эстетике русской культуры.

Обособление культурных отщепенцев шло рука об руку с социальным процессом – выделением энергичной группы, уповавшей на рыночную реформу (прежде всего, приватизацию). Проводимые с 1989 г. ВЦИОМ широкие опросы показали нарастающий отрыв этой группы от основной массы населения по их отношению к большому комплексу общественных явлений и позиций. Иногда этот отрыв просто потрясает. На вопрос «что вы считаете главным событием 1988 года?» большинство советских людей назвали: вывод войск из Афганистана, полет корабля «Буран», землетрясение в Армении, события в Нагорном Карабахе или 1000-летие крещения Руси. А «сторонники реформ» главным событием назвали «снятие лимитов на подписку»! Когда такая чушь становится главным в жизни – это и есть отрыв от корней.

Но значит ли это, что речь идет не просто об идеологическом и культурном течении, а поистине о рождении «малого народа», многонациональной общности, осознавшей себя именно в противопоставлении «старым русским»? Многое для ответа на этот вопрос можно почерпнуть из конкретных исследований. Одна из таких работ, под названием «Мировоззрение населения России после перестройки: религиозность, политические, культурные и моральные установки», проведена в 1990–1992 гг. под руководством С. Б. Филатова.

Обширный список вопросов в течение трех лет задавался выборке из 2250 человек (1500 в РФ и 750 в Казахстане), представляющей ряд национальностей в десятке городов. И вывод огромной важности состоит в том, что та «историческая общность людей», которую мы называли советским народом, реально существует. Возник именно *советский народ* с общим ядром мировоззренческих установок и идеалов. С общим державным сознанием и представлениями о справедливости. Во время перестройки нарушилась идеология – поверхностный слой культуры, – произошла перестановка чтимых образов, но все равно это образы, связанные с укреплением державы, а не ее распадом.

Вот как выглядит общая картина предпочтений исторических лидеров в мае 1992 г. (в %): Петр I – 37; Столыпин – 20; маршал Жуков – 13; Александр Невский – 12; Ленин – 9. Заметим, что Столыпина – фигуру, мифологизированную в перестройке, назвали 41 % людей с ученой степенью, что и выдвинуло его на второе место. А триада «Ленин – Сталин – Жуков», будучи образом державного СССР, по «суммарной» степени уважения приближалась к Петру.

А вот мнения о «наилучшей эпохе в истории России»: правление Петра I – 34 %; правление Брежнева – 14 %; перестройка (1985–1991) – 3 %; реформа (конец 1991–1992) – 3 %. То есть, для основной массы были ценны державность и стабильность. Вариации невелики: российские немцы делали больший акцент на державности, а казахи, татары и башкиры – на стабильности. Из полутора десятка «эпох» у всех народов перестройка занимает одно из последних мест. Лишь респонденты-евреи назвали перестройку «наилучшей эпохой». Видимо, зажата державностью и советской стабильностью свобода предпринимательства была для них действительно важной ценностью.

Еще один вывод об установках «массы» – быстрое крушение западнической утопии. Была предложена такая установка: «В западных странах сегодня создано наилучшее из всех возможных общество. Нам следовало бы не выдумывать свои пути, а следовать за Западом». С ней согласились в 1990 г. 45 % опрошенных, в 1991 – 38 % и в 1992 – 14 % (в Москве побольше: 45, 44 и 18).

Перейдем от «массы» к тем, кто радикально отрицает державность и стабильность (и уж тем более наше советское прошлое) – к той среде, которая и порождает «новых русских». Здесь мы выберем лишь одно, но очень важное качество – *религиозное отщепенство*. Отказ как от любой традиционной религиозности («веры в бога»), так и от советского атеизма. Вот некоторые выводы из работы, подтвержденные массой таблиц: «Показателен повышенный интерес к нетрадиционным формам религиозности новой группы нашего общества – коммерсантов и бизнесменов. Среди них наиболее высока доля людей с ярко выраженным неопределенным, эклектичным паранаучным и парарелигиозным мировоззрением. Именно в этой, социально

очень активной, группе самое большое число верящих не в Бога, а в сверхъестественные силы – 20 %».

И далее: «Как и в исследовании 1991 г, наиболее прорыночной группой населения проявили себя «верящие в сверхъестественные силы». Эти «верящие в сверхъестественные силы», оккультисты – основная мировоззренческая социальная база борцов с коммунистическим государством – и сейчас чаще других выступают за распад СНГ и Российской Федерации».

Резкий отрыв «нового слоя» от массы произошел в представлениях о справедливости и морали. «Новые русские» – это люди активного молодого возраста с высоким образовательным уровнем. В этой категории были наиболее распространены эгоистические и антипатриотические установки. Авторы исследования пишут: «Опросы 1990–1991 г. показывали, что наиболее вовлеченная в массовую политическую борьбу и наиболее радикально-демократическая группа – верящие не в Бога, а в сверхъестественные силы, 24 % из них поддерживали «Демократическую Россию», что намного превосходило и верующих, и атеистов». И еще: «Вера в НЛЮ, снежного человека, телепатию сильно связана с ценностями первого периода радикально-демократического движения – антикоммунизмом, желанием похоронить СССР, приоритетом прав человека и рынка».

Внутренняя противоречивость установок этой группы видна и в том, что «права человека» для нее – лишь политический инструмент. На деле ее отличает нетерпимость, причем даже в национальных отношениях: «В исследовании 1991 г. мы отмечали, что «верящие не в Бога, а в сверхъестественные силы», несмотря на весь свой радикальный демократизм, были в отношении к большинству различных народов наименее толерантной группой. И эта их особенность за прошедший год лишь усилилась».

И, наконец, важный штрих, но связанный с целым. Вот вывод авторов: «Как и по многим другим проблемам, в области сексуальной морали самые либеральные – «оккультисты» – верящие в сверхъестественные силы. По всей видимости, они – носители достаточно последовательной культуры «вседозволенности»: чаще других отрицают свою ответственность перед государством и обществом – «каждый за себя», обладают низкой трудовой этикой, высокой национальной нетерпимостью и не признают никаких границ в области секса».

Это – первый, очень приблизительный духовный портрет «новых русских». Но этот портрет не устоялся, новый тип еще не сложился, он – в поиске. И уже есть симптомы того, что нового «малого народа» не сложится, его уже разлагает разочарование и тоска. Об этом говорят те культурные особенности, которые проявились в начале 90-х годов.

Что же написано на знамени «новых русских»? Чтобы разобраться, надо знать, кто их певец, в чем их художественное самовыражение, каковы их представления о прекрасном и безобразном – знать их *эстетику*. Каждая культура и даже идеологическое течение имеет свое лицо. Когда мы слышим «Степь да степь кругом...», «Выхожу один я на дорогу...» или «Вставай, страна огромная...», для нас ясен эстетический образ «старых русских». Песни 30-х годов несут оптимизм индустриализации. Мелодичные, спокойные песни 60–70-х (нет им числа) – отдых ничего не подозревающего народа после невероятных перегрузок XX века. Какие песни собирали «новых русских», что пели их поэты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.